

Вячеслав Долгов
ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР

Вячеслав Долгов

Противоестественный отбор

<https://litres.ru/73983919>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ближайшем будущем происходит абсолютная автоматизация производства "думающими машинами" или же нейросетями следующего поколения. Для исключения такого понятия как человеческий фактор и увеличения/масштабирования производства. И сотрудников крупных компаний вынуждают обучать ИИ, чтобы он заменил их всех. Остается лишь один вопрос - насколько это ближайшее будущее?..

Вячеслав Долгов

Противоестественный отбор

Глава 1. Три минуты

Термос был старше завода.

Константин Дорохов знал это точно, потому что на дне, если присмотреться, еще читалась гравировка: «А. Д. Дорохову за 20 лет безупречной службы. Комбинат «Ленинец Инс». Комбинат «Ленинец Инс» снесли еще в далеком сорок втором. На его месте, чуть ли не мгновенно, выросло здание «Новатор 2.0» – шестьсот тысяч квадратных метров стекла, титана и тишины. И тишина была самой пугающей частью. Старые заводы грохотали, выли, лязгали - в них была жизнь, пусть грубая, но ощутимая. «Новатор 2.0» работал так, будто его не существовало: роботизированные линии скользили с точностью часового механизма, а единственный звук, который Костя слышал по утрам, – это его собственные шаги.

Пять часов сорок семь минут. Неоновая дорожка на полу пульсировала мягким голубым – вела от входа к Сектору 7, его сектору. Когда-то на заводе работало три тысячи человек в смену, и коридоры гудели голосами: кто-то ругался, кто-то смеялся, кто-то нес обед в промасленном пакете. Теперь дорожка горела только для него. Система да и он сам знали,

что он единственный, кому нужен свет.

Костя шел, и тень его ложилась на стены – длинная, нескладная, совершенно неуместная среди безупречной геометрии коридора. Ему было тридцать восемь, но выглядел он старше: жесткие, коротко стриженные волосы уже тронула седина, а на руках – если бы кто-то удосужился посмотреть – серебрились микрошрамы, десятки, как созвездия на карте, которую он сам не мог бы прочесть. Каждый шрам – история: вот этот – от раскаленного подшипника в двадцать втором; этот, длинный, через всю ладонь – когда лопнула гидравлическая трубка на старой линии; а этот, едва заметный, на указательном пальце – первый. Ему было шестнадцать, и отец сказал: «Ничего. Теперь ты знаешь». И Костя понял – что такое громоздкая беспощадная машина и как она обходится с теми, кто с ней не считается.

Он свернул в Сектор 7. Здесь стояли конвейерные линии – семь штук, семь потоков, каждый обслуживался роботами-манипуляторами серии «Гефест-М». Роботы не замечали его, как не замечают мебель. Они работали, и работа их была совершенна: захват – перемещение – сварка – проверка – дальше. Ни секунды задержки, ни миллиметра погрешности. На голографической панели над входом горели цифры: 99,97% эффективности и все прекрасно догадывались, откуда взялись эти три сотые. Рядом, чуть правее и чуть ниже, висел бумажный плакат – пожелтевший, с загнутым углом: «Безопасность труда – наш приоритет!» На плакате был

нарисован рабочий в каске, с поднятым большим пальцем. Плакат остался от отца. Костя не давал его снять.

Он отвинтил крышку термоса. Кофе внутри уже остывал – он варил его дома, в турке, на газовой плите, которую уже давно следовало заменить на индукционную. Не заменил. Глотнул, почувствовал знакомую горечь, и утро начало обретать форму.

Линия 7 встала в шесть четырнадцать.

Сначала замедлилась – как человек, который спотыкается на ровном месте. Манипулятор застыл с деталью в захвате, потом дернулся, попытался продолжить – и замер. Через секунду вся линия остановилась. На панели диагностики побежали строки: «Анализ отклонения... Сверка параметров... Ошибка не каталогизирована. Код: UNK-4471. Рекомендация: направить запрос в центр технической поддержки».

Это было похоже на легкий скрежет не механический, а почти органический, как если бы машина заохала. Два робота-ремонтника серии «Громозека Т-1000» уже подъехали к линии. Их сенсоры сканировали узел за узлом, выдавая потоки данных. Через минуту вердикт: «Отклонений не обнаружено. Рекомендация: перезапуск линии».

Костя поставил термос на пол. Подошел. Положил руку на корпус привода – ладонью вниз, пальцы чуть расставлены, как делал отец. Металл был теплым – машина работала, но внутри что-то было не так. Он закрыл глаза. Вибрация шла неровно: тук-тук... тук... тук-тук-тук. Как аритмия. Сенсоры

роботов этого не ловили – они измеряли частоты, амплитуды, допуски. А Костя чувствовал ритм. Его пальцы чувствовали ритм.

Он снял боковую крышку. Внутри – лабиринт шестерен, валов, подшипников. Все выглядело идеально. Он провел пальцем по внутреннему кольцу подшипника – второго снизу. Ноготь зацепился. Микротрещина. Настолько мелкая, что оптические сенсоры не различали ее из-за резонансной частоты вращения: на высоких оборотах трещина «закрывалась», и датчики видели целую поверхность. Но на низких – при запуске и остановке – она раскрывалась, и подшипник начинал «кашлять».

Три минуты. Он нашел проблему за три минуты. Без единого датчика.

Костя заменил подшипник. Линия ожила. «Громозека Т-1000» отъехали с видом – если бы у роботов был вид – легкого недоумения. Он вернулся к термосу. Кофе совсем остыл.

На стене, в нише, мигнул красный огонек камеры наблюдения. Костя не обратил внимания. А зря.

Рита Вальц вызвала его в одиннадцать.

Ее кабинет был на четвертом этаже – «административная зона», как это теперь называлось. Стекланные стены, белые столы, воздух с запахом ничего. Рита сидела за столом, и на ее лице было выражение, которое Костя научился распознавать за годы работы: смесь сочувствия и облегчения, какое

бывает у людей, сообщающих дурную новость, которая их самих не касается.

Они знали друг друга пятнадцать лет. Когда-то Рита Вальц была инженером – хорошим, с чутьем. Работала в соседнем секторе, могла перебрать насос с закрытыми глазами. Потом ее повысили. Потом еще раз. Каждое повышение отдаляло руки от металла. Теперь она была «менеджером по оптимизации производственных процессов», и руки ее, ухоженные, с аккуратным маникюром, лежали на стеклянном столе, как экспонаты в музее.

Костя, – сказала она, и по тому, как она произнесла его имя – мягко, почти виновато, – он понял все.

Совет директоров утвердил «Протокол Прометей-9», – сказала Рита. То есть с первого числа следующего месяца «Ленинец Inc» переходит на полную автоматизацию. Без исключений.

Костя молчал.

Тебе предлагают... почетную миссию, – Рита запнулась на слове «почетную», как спотыкаются о невидимый порог. Ты должен обучить нейросеть нового поколения – систему The ASLON AI, но генеральный директор называет ее просто Aslon. Передать ей свои навыки. У тебя тридцать дней.

А потом?

Рита посмотрела ему в глаза. Потом отвела взгляд.

Потом – отдыхай. Ты заслужил.

Слово «отдыхай» повисло между ними, как повисает дым

после выстрела. Оба знали, что оно значит. Базовый безусловный доход, двухкомнатная квартира от корпорации, подписка на все развлекательные сервисы. Все, что нужно для жизни. Ничего, что нужно для существования.

Рита, – сказал Костя. – Линия 7 сегодня утром.

Я видела отчет.

Роботы не нашли проблему. Я нашел. За три минуты.

Рита кивнула. На мгновение в ее глазах мелькнуло что-то – понимание, может быть, или тень старой солидарности. Но только на мгновение.

Именно поэтому тебя выбрали для обучения ASLON, – сказала она. Ты лучший. Пусть он учится у лучшего.

Костя встал. У двери обернулся.

Три минуты, Рита. Три минуты – и ни один датчик не пикнул.

Она не ответила.

Он шел обратно по коридору – мимо стеклянных стен, мимо бесшумных машин, мимо голографических панелей с цифрами, которые никогда не лгали. Возле линии 7 он замедлил шаг. Робот стоял у привода – у того самого. Его манипулятор был внутри корпуса. На экране диагностики Костя прочитал: «Обновление протокола ремонта. Источник: видеоанализ действий оператора К. А. Дорохова. Статус: интегрировано».

Робот уже выучил его метод.

Три минуты оставались его – но ненадолго.

Костя взял термос и пошел домой. За окнами сектора садилось солнце – красное, густое, как разлитый кофе. Он его не заметил.

Глава 2. Обучение

Зал обучения располагался в бывшей столовой.

Костя помнил это место другим: длинные столы, накрытые клеенкой, запах борща и машинного масла, гул голосов. Однажды – ему было, может быть, лет двенадцать – отец привел его сюда, и повариха Зинаида Петровна, женщина монументальная, как заводская труба, положила ему двойную порцию пюре и подмигнула: «Расти большой, будешь как отец». Костя тогда не понимал, комплимент это или приговор.

Теперь столовую перестроили. Белые стены, матовый пол, по периметру – дугообразные экраны. В центре – рабочий стенд: точная копия узла конвейерной линии, разобранный по блокам. Над стендом, вмонтированный в потолок, – массив камер и микрофонов. И голос.

– Добрый день, Константин Дмитриевич. Я – ASLON, обучающая нейросистема версии 4.7. Готов приступить к первому сеансу.

Голос был мужской, ровный, без интонаций – как если бы кто-то читал инструкцию по сборке мебели. Ни теплый, ни холодный. Никакой. Костя стоял перед стендом, засунув руки в карманы комбинезона, и смотрел на камеры так, как смотрят на нового соседа, который уже начал раздражать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.